

МАГИЯ ЖИЗНИ

Д Ж О А Н Н Х А Р Р И С

Леденцовые туфельки

Москва
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х21

Joanne Harris

THE LOLLIPOP SHOES

Copyright © 2007 by Frogspawn Limited 2007

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*

Художественное оформление *Марины Дорошенко*

Харрис, Джоанн.

Х21 Леденцовые туфельки / Джоанн Харрис ; [перевод с английского И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 544 с.

ISBN 978-5-04-110934-9

На одной из тихих улиц Монмартра нашли прибежище Янна и ее дочери Розетт и Анни. Они мирно и даже счастливо живут в квартирке над своей маленькой шоколадной лавкой. Ветер, который в былые времена постоянно заставлял их переезжать с места на место, затих — по крайней мере, на время. Ничто не отличает их от остальных обитателей Монмартра, и возле их двери больше не висят красные саше с травами, отводящими зло. Но внезапно в их жизнь вторгается Зои де л'Альба, женщина в ярко-красных, блестящих, как леденцы, туфлях, и все начинает стремительно меняться.

**УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44**

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110934-9

Посвящается А. Ф. Х.

Часть первая

СМЕРТЬ

Глава 1

31 октября, среда

Día de los Muertos¹

Это факт относительно малоизвестный, но всего лишь за год мертвым отправляют около двадцати миллионов писем. Люди забывают, что все-таки следовало бы приостановить поток корреспонденции, поступающей на имя покойного, — ох уж эти горюющие вдовы и будущие наследники! — и подписка на журналы не бывает аннулирована; друзья, живущие далеко, остаются неоповещенными, а задолженность в библиотеку — непогашенной. А значит, двадцать миллионов циркуляров, банковских извещений, кредитных карт, любовных писем, рекламных проспектов, поздравительных открыток, анонимных доносов и коммунальных счетов, которые каждый день бросают на коврик у двери или в щель почтового ящика, скапливаются, превращаясь в настоящие груды, падают в лестничный пролет, выползают из переполненных почтовых ящиков на лестничную клетку, никому не нужные валяются на крыльце — ведь адресат их уже никогда не получит. Мертвым нет до них дела. Впрочем, что гораздо важнее, нет до них дела и живым. Живые, погруженные в мелкие повседневные заботы, даже не подозревают, что в двух шагах от них происходит чудо: мертвые возвращаются к жизни.

Не так уж много для этого и нужно: парочка счетов, имя, почтовый индекс — в общем, ничего особенного; все это легко можно найти в любом старом чулане, в мусорной корзине, на

¹ День мертвых (*исп.*). — Здесь и далее прим. перев.

помойке; иногда разорванным на клочки (возможно, лисицами), а иногда лежащим прямо на крыльце, точно подарок. Много можно узнать, роясь в куче ненужной корреспонденции: имена, подробности, касающиеся банковских вкладов, пароли, адреса электронной почты, коды охраны. Если правильно сопоставить все эти данные, можно снять деньги с банковского счета или открыть новый, можно взять в аренду автомобиль, можно даже подать заявление на выдачу нового паспорта. Все равно мертвым такие вещи больше не нужны. В общем, как я и сказала, это подарок, который нужно просто поднять с пола.

Иногда, впрочем, Судьба сама вручает подобные подарки, и тут уж держи ухо востро. *Carpe diem*¹, а кто прозевал удачу, пусть идет к черту.

Вот почему я всегда читаю некрологи и порой умудряюсь раздобыть все необходимые сведения еще до того, как состоятся похороны. Именно поэтому, когда я вижу этот знак Судьбы, а под ним еще и почтовый ящик, полный писем, то принимаю подобный дар с учтивым поклоном и благодарной улыбкой. Разумеется, это был не мой почтовый ящик. Почтовое обслуживание здесь лучше, чем во многих других местах, так что не по адресу письма доставляют редко. Отчасти именно поэтому, кстати, я предпочитаю жить в Париже; ну и еще, конечно, из-за здешней еды, вин, театров, магазинов и поистине неисчерпаемых возможностей. Однако Париж здорово бьет по карману — накладные расходы просто невероятные! — и, кроме того, мне вот уже некоторое время до смерти хочется придумать себе какую-то новую жизнь. Почти два месяца я весьма удачно играла роль преподавательницы одного из лицеев 11-го округа, но в связи с недавно возникшими там неприятностями решила разом покончить с прежней жизнью (прихватив с собой двадцать пять тысяч евро из ведомственных фондов, которые собиралась положить на счет,

¹ Лови день (*лат.*).

предусмотрительно открытый мною на имя бывшей коллеги, и через пару недель незаметно снятъ) и стала присматривать себе подходящую квартирку.

Сначала я попыталась найти что-нибудь на Левом берегу. Мне это, разумеется, не по карману, но девушка из агентства этого не знала. Так что со своим английским акцентом и документами на имя Эммы Виндзор, с сумочкой от «Малберри», небрежно повешенной на плечо, в платье от Прада, с нежным шепотом обвивавшем мои обтянутые тонкими чулками лодыжки, я вполне могла себе позволить приятную утреннюю прогулку среди богатых особняков и дорогих магазинов.

Я сразу попросила показывать мне только уже пустующее жилье. На Левом берегу имелось несколько роскошных апартаментов с видом на реку; это были квартиры в больших особняках с садиками на крыше или пентхаусы с паркетными полами.

С некоторым сожалением я отвергла их все, хоть и не смогла удержаться от возможности прихватить кое-какие полезные мелочи. Журнал — в целехоньком полиэтиленовом пакете — с номером банковского счета подписчика; несколько банковских уведомлений; а в одном месте меня ждала истине золотая находка: банковская карточка на имя Амели Довиль; чтобы ее активировать, требовалось всего лишь позвонить по телефону.

Я оставила девушке номер своего мобильного. Разговоры по нему оплачивала некая Ноэль Марселен, чье удостоверение личности я раздобыла несколько месяцев назад. Оплата ее счетов производится на самом современном уровне — бедняжка скончалась в прошлом году в возрасте девяности четырех лет, и это означает, что тому, кто попытается отследить мои звонки, придется изрядно попотеть. Мой счет за Интернет — также на ее имя — по-прежнему аккуратно оплачивается. Эта Ноэль слишком дорога мне, жаль было бы ее потерять. Но становиться ею я совершенно не намерена. Во-первых, не хочу, чтобы мне уже исполнилось девяносто

четыре. А во-вторых, мне попросту надоело получать рекламные проспекты всевозможных колясок и подъемников для инвалидов.

Мое последнее удостоверение личности было на имя Франсуазы Лавери, преподавательницы английского языка из лица имени Руссо, 11-й Парижский округ. Возраст — 32 года, родилась в Нанте, вышла замуж за Рауля Лавери и в тот же год овдовела — муж погиб в автомобильной катастрофе накануне первой годовщины со дня свадьбы, что, по-моему, весьма романтично и отчасти объясняет, отчего у нее такой меланхоличный вид. Строгая вегетарианка, довольно застенчивая, старательная, но не слишком способная, то есть для меня никакой угрозы не представляет. В общем и целом довольно милая особа, и это всего лишь означает, что судить по внешнему виду никогда не стоит.

Сама-то я нынче ничуть на нее не похожа. Двадцать пять тысяч евро — сумма немаленькая, и всегда есть шанс, что кто-то заподозрит, где тут собака зарыта. Большинство людей, впрочем, не испытывают ни малейших подозрений — многие не заметили бы и преступления, совершаемого прямо у них под носом, — но я стараюсь так сильно не рисковать; я давно поняла, что куда безопаснее просто все время находиться в движении.

Вот я и путешествую, причем налегке — потрепанный кожаный чемодан и ноутбук «Сони», в котором содержатся данные более чем на сотню подходящих личностей; в общем, я могу в один миг собрать вещички, а за два-три часа и полностью замести все следы.

Именно так исчезла Франсуаза Лавери. Я сожгла все ее документы, корреспонденцию, банковские данные, записи. Закрывает все ее счета. А ее книги, одежду, мебель и прочее передала в Croix Rouge¹. К чему иметь при себе лишние улики?

После этого мне пришлось подыскать себе новое обличье. Я сняла номер в дешевой гостинице, расплатилась кредитной

¹ Красный Крест (фр.).

карточкой Амели, переделась в вещи Эммы и отправилась по магазинам.

Франсуаза одевалась немодно и скучновато: средний каблук, аккуратная прическа. Та, в чьем обличье я выступаю теперь, ничуть на нее не похожа. Зози де л'Альба — так ее звали, и она, в общем, казалась иностранкой, хотя и нелегко было бы с ходу определить, откуда она родом. Она настолько же яркая, насколько Франсуаза была бесцветной, носит драгоценности, причем даже в волосах, обожает яркие цвета, а ее одежда отличается изрядной фривольностью; страшно любит базары и большие «винтажные» магазины, а скромных туфель даже в гроб не наденет.

Подобная перемена облика была мной тщательнейшим образом продумана. Я вошла в магазин как Франсуаза Лавери — в серенькой двойке с ниткой искусственного жемчуга на шее — и через десять минут вышла оттуда совершенно неузнаваемой.

Но остается главная проблема: куда пойти? О Левом берегу, хотя это и весьма соблазнительно, даже речи идти не может, хотя я считаю, что с Амели Довиль вполне можно содрать еще несколько тысяч, прежде чем и ее отправить на помойку. Разумеется, у меня есть и другие источники средств, не считая самого недавнего — мадам Бошан, исполнительного секретаря, занимающегося финансами в том департаменте, где я прежде служила.

Открыть кредитный счет ничего не стоит. Парочки использованных счетов за коммунальные услуги или даже старых водительских прав вполне достаточно. А при нынешнем росте количества товаров, покупаемых в кредит, подобных возможностей с каждым днем все больше и больше.

Впрочем, мои потребности простираются гораздо дальше простого поиска средств к существованию. Скука, обыденность — это ужасно. Мне необходим простор, возможности для приложения моих способностей и умений, я жажду приключений, перемен, сражений с Судьбой.

Настоящей жизни.

Именно такую возможность Судьба мне и предоставила, причем как бы случайно, когда ветреным утром в конце октября на Монмартре я, взглянув на витрину какой-то лавчонки, заметила аккуратную маленькую табличку:

*Fermé pour cause de décès*¹.

Я давно не бывала в этих местах. И успела позабыть, как мне когда-то здесь нравилось. Монмартр, по словам местных жителей, — последняя деревня, оставшаяся на территории Парижа, а уж эта часть Монмартрского холма, Butte², являет собой почти пародию на сельскую Францию с ее кафе и крошечными *сгêperies*³; с ее домиками, выкрашенными в розовый или фисташковый цвет, с фальшивыми ставнями на окнах и геранями на каждом подоконнике; повсюду этакая старательно созданная живописность, точно на эскизе киношной декорации, исполненная поддельного очарования и даже не особенно скрывающая, что внутри у нее не душа, а камень.

Возможно, именно поэтому мне здесь так нравится. Почти идеальный фон для такой персоны, как Зои де л'Альба. А оказалась я там почти случайно: остановилась на какой-то площади за Сакре-Кёр, заказала кофе с круассаном в баре под названием «Крошка зяблик»⁴ и уселась за столик на улице.

Голубая жестяная вывеска высоко на углу сообщала, что это место называется Place des Faux-Monnaieurs⁵. Тесная крошечная площадь, похожая на аккуратно застеленную кровать. Кафе, блинная, парочка магазинов. Больше ничего. Даже ни одного дерева, чтобы смягчить ее четкие каменные границы. Но по какой-то причине один из магазинчиков все же при-

¹ Закрыто в связи с похоронами (*фр.*).

² Холм, пригорок (*фр.*).

³ Блинная (*фр.*).

⁴ Название «Крошка зяблик» («Le P'tit Pinson», букв.: «маленький зяблик») образовано от фамилии владельца бара Лорана Пансона, о котором речь пойдет далее.

⁵ Площадь Фальшивомонетчиков (*фр.*).

влек мое внимание — весьма жеманного вида confiserie¹; во всяком случае, мне так показалось, хотя надпись над дверями была почти стерта. Витрина наполовину закрыта жалюзи, но с того места, где я сидела, мне было все же видно, что именно там выставлено; в глаза бросалась и ярко-голубая, точно кусочек небес, дверь. Через площадь до меня доносился негромкий мелодичный звон: висевшая над дверью магазина связка колокольчиков время от времени звенела на ветру, точно посылая неведомо кому некие сигналы.

Кто знает, почему эта кондитерская вызвала мой интерес. В лабиринте улиц, протянувшихся по склонам Холма, таких крошечных магазинчиков полным-полно; они, ссутулившись, стоят на перекрестках вымощенных булыжником улиц и похожи на усталых кающихся грешников. С узкими фронтонами, горбатые, они жмутся к мостовой, и зачастую внутри у них очень сыро, однако аренда такого помещения обойдется в целое состояние; тем, что эти магазинчики до сих пор на плаву, они обязаны главным образом глупости туристов.

И квартиры над ними тоже крайне редко оказываются пристойными. Маленькие, неудобные комнаты расположены слишком далеко друг от друга. Ночью, когда у подножия Холма оживает огромный город, в таких квартирах неизменно шумно; зимой в них холодно, а летом наверняка невыносимо жарко, потому что толстая старая черепица насквозь пропитывается тяжким пылом солнца, раскаленные лучи которого бьют к тому же прямо в единственное окошко, прорубленное в крыше и такое узкое, не шире восьми дюймов, что света оно почти не пропускает, только этот удушающий зной.

И все же... что-то притянуло мой взгляд. Возможно, письма, торчавшие из металлических челюстей почтового ящика, точно высунутый язык озорника. Или едва ощутимый аромат мускатного ореха и ванили (а может, это был просто запах сырости?), долетавший из-за той небесно-голубой двери. Или ветер, игравший подолом моей юбки и шаловливо перебиррав-

¹ Кондитерская (*фр.*).

ший колокольчики над дверью. Или объявление, аккуратно написанное от руки и таившее в себе некий невысказанный, мучительно загадочный смысл:

Закрывается в связи с похоронами.

К этому времени я уже покончила с кофе и круассаном. Расплатилась, встала и пошла к этому магазинчику, желая рассмотреть его поближе. Оказалось, что это *chocolaterie*, шоколадная лавка; подоконник крошечной витрины был весь заставлен коробками и жестянками, а за ними в полутьме я сумела разглядеть подносы, на которых возвышались пирамиды всевозможных лакомств, накрытые округлыми стеклянными колпаками и похожие на свадебные букеты из прошлого столетия.

У меня за спиной, в баре «Крошка зяблик», два пожилых господина закусывали вареными яйцами и длинными ломтями хлеба с маслом, а *patron* в фартуке, склонившись над каким-то гробом, гневно разглагольствовал о том, что некто по имени Пополь здорово ему задолжал.

Если не считать этих людей, вокруг по-прежнему не было ни души; лишь какая-то женщина вдалеке подметала тротуар да парочка художников с мольбертами под мышкой направлялась к площади Тертр.

Один из них, молодой человек, перехватив мой взгляд, вскричал:

— О, привет! Вы-то мне и нужны!

Охотничий клич уличного портретиста. Я сразу его узнала — сама не раз бывала в такой шкуре; мне хорошо известно это выражение радостного восторга на лице художника, якобы свидетельствующее о том, что он нашел-таки свою музу, которую искал столько лет, и теперь, сколько бы ни содрал с клиентки, даже если цена будет просто грабительской, это все равно окажется меньше истинной стоимости его будущего гениального творения.

— Нет уж, увольте, — сухо сказала я. — Найдите для своего бессмертного шедевра кого-нибудь другого.

В ответ он молча пожал плечами, скорчил рожу и побрел следом за своим дружкой. Теперь эта chocolaterie была в полном моем распоряжении.

Я мельком глянула на письма, непристойно торчавшие из щели почтового ящика. Особо рисковать не имело смысла. Но отчего-то этот крошечный магазинчик прямо-таки притягивал меня, манил, как манит порой что-то блеснувшее меж камнями на бульжной мостовой — то ли монетка, то ли колечко, а может, и просто клочок фольги, в котором отражается солнце. Да и в воздухе словно висел тихий шепот обещаний, и, кроме всего прочего, был Хеллоуин, Dia de los Muertos, а День мертвых всегда был для меня счастливым, ибо это день концов и начал, день недобрых ветров и коварных благодеяний, ночных костров и тайн; день чудес — и, разумеется, мертвых.

Я еще раз быстро огляделась. Никто на меня не смотрел. И я была совершенно уверена, что никто не заметил, как я одним быстрым движением сунула эти письма в карман.

Осенний ветер налетал сильными порывами, поднимая на площади клубы пыли. Ветер пахнул дымом — но не парижским, а дымом моего детства, которое я хоть и нечасто, но все же вспоминаю; в нем чувствовался аромат ладана, миндального крема и опавших листьев. На Холме деревьев практически нет. Собственно, это просто скала, и даже яркая, как на свадебном пироге, глазурь едва ли способна скрыть то, что сам этот «пирог» совершенно лишен вкуса. А вот небо над Монмартром точно хрупкая яичная скорлупка, выкрашенная голубой краской и разрисованная сложным узором из белых полос — это реактивные самолеты начертали переплетающиеся следы, похожие на мистические символы.

И среди них я, в частности, различила кукурузный початок, причем очищенный, — а это всегда означает подношение, подарок.

Я улынулась. Неужели просто совпадение?
Смерть — и подарок? И все в один день?